

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик



Столичная беднота

Глеб Успенский
Старьевщик

«Public Domain»

1867

Успенский Г. И.

Старьевщик / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1867 — (Столичная беднота)

«...посреди двора стоит старьевщик. В теплой дубленке, в теплом картузе и валенках, он не боится холоду и поэтому не спеша попевает свою песенку:— Сстаррова тряпья... старых ссаппагов нет ли продавать?Попое-попое, поправит подмышкой аккуратно сложенный кулечек и поведет глазами по окнам, преимущественно заглядывая или вверх под крышу, или вниз в подвал, откуда печально смотрят эти микроскопические продолговатые оконца, летом сплошь забрызганные грязью, а зимой скрывающиеся за напухшею грудой снега, льду и сосулек. ...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик

(Из московской жизни)

Зима, жгучий мороз.

Задолго еще до первого колокола, до первого визга извозчицких саней по закаленному лютым морозом снегу начинается жизнь на столичном дворе. В грязных клетушках, в нижних этажах, где гнездятся сапожники и портные, напоминающие миру о своем существовании скромною вывеской, уставившейся своим золотым сапогом или растопыренными ножницами куда-нибудь в стену, в кучу дров или в такой угол, куда с незапамятных времен не забредала ни единая человеческая нога, – в этих-то сырых подземельях, обдающих свежего человека какою-то кислятиной вместо воздуха, прежде всех просыпается людское горе, с вечера «звонко» залитое в кабачке под известным заглавием: «Уединение», «Мечта», «Перепутье». Просыпается оно в тощей фигурке сапожника Сидора Иванова, портного Ивана Сидорова и, запахиваясь рваным халатом, сквозь который мороз запускает свои колючие, как иглы, лапы, ежась, бежит опохмелиться, «поправиться», обыкновенно пуская ребром последний пятак, а за отсутствием его – собственный жилет, сапожную колодку, женин платок и вообще все, что ни подвернется под руку. А навстречу ему уютное пристанище с отрадною надписью: «распивочно» давно уже распахнуло свои гостеприимные объятия и ежеминутно погребает за своей почерневшей дверью весь этот болеющий люд, испугавшийся при дневном свете собственного безобразия и старающийся куда-нибудь скрыться даже от самого себя. Этот же внутренний испуг заставляет до свету убраться со двора увлеченную юнкером Тесаковым камелию, вчера же претерпевшую множество оскорблений от высоко нравственной хозяйки, у которой господин Тесаков нанимает комнату и которой уже давно ничего не платит. Виляя своею измятою юбкою, нетвердою поступью бежит она через двор и, выйдя за ворота, направляется в сторону «Крымского ада»¹.

Где-то ударили к обедне. Жизнь на дворе шумит сильнее и сильнее: тащится с салазками молочница; со скрипом въезжает водовоз вместе с бочкой, составляющей как бы один довольно объемный кусок льду; медленно плетется на дровнях с угольями весь почерневший от соседства с ними мужик и, став посреди двора, громко кричит: «уголь!», выставляя при этом свои белые, как снег, зубы. Просыпаются рачительные хозяева и спешат на рынок, причем, выйдя за ворота, крестятся и кланяются на все четыре стороны. Просыпается харчевник Кузьма Шестов и выкатывает собственную трехобхватную особу на крыльцо, находя почему-то нужным почестаться непременно в виду всей улицы. Он так толст, тучен, жирен и тепел, что от него идет как бы дым и пар, в то время как исхудалого оборванца жжет, щиплет и душит лютый мороз. Изпод извозчицких полозьев несется неумолкаемый визг и как бы какой-то бесконечной визгливой струей вьется над всем городом. Из труб медленно ползут кверху столбы дыма, застилая собою небо, и сквозь эту дымную занавеску тускло смотрит, колеблющимся пятном, красное солнце морозного дня.

В это время посреди двора стоит старьевщик. В теплой дубленке, в теплом картузе и валенках, он не боится холоду и поэтому не спеша попевает свою песенку:

– Сстаррова тряпья... старых ссапагов нет ли продавать?

Попоеет-попоеет, поправит подмышкой аккуратно сложенный кулечек и поведет глазами по окнам, преимущественно заглядывая или вверх под крышу, или вниз в подвал, откуда

¹ «Крымский ад» – название трактира близ улицы Грачевки (упоминание этой улицы было в первоначальной редакции рассказа).

печально смотрят эти микроскопические продолговатые оконца, летом сплошь забрызганные грязью, а зимой скрывающиеся за напухшею грудой снега, льду и сосулек.

Смотрит старьевщик, постукивает нога об ногу и снова тянет свою песенку, и поет он ее таким заунывным голосом, так плакуче, что ее слышит только та непроходимая голь-нищета, у которой вся надежда на существование – это старые голенища, да и то тогда только, когда за них сподобит господь заполучить копеек двадцать.

Где-то вверху открылась форточка, женский пискливый голос позвал старьевщика, и скоро он, шагая по грязной, обмерзлой лестнице, расспрашивал у добрых людей: «Как пройти в квартиру мещанки Слезовой?»

* * *

Мещанка Слезова сама утверждала, что господь наложил на нее особый крест, который она должна нести до гроба. Крест этот она называла совестью.

– Наделил меня, батюшка милостивый, наделил! – говаривала она. – И столь он, батюшка милостивый, наделил меня, что всякий может мне на шею сесть! – добавляла она, заливаясь горячими слезами.

Не неси она этого креста, ей не нужно было бы теперь сбывать оставшийся после покойника мужа хлам, потому что сама она с голоду не умрет: женщине много ли нужно? «Так, пожевала-пожевала что-нибудь всухомятку – и сыта». А на это, разумеется, хватит; стало быть, с этой стороны и толковать нечего. Но ее постоянно мучит постоялец, отставной прапорщик Волшебнов, непременно требующий обеда, да еще старуха Митревна, уже третий день проклиная, лежа на печи, и жизнь свою сибирную, и соседей, и хозяйку, – старуха, которая ежеминутно молит бога о смерти, и притом только потому, что в эти три дня ей не удалось потешить чайком свою ветхую утробу... Можно было бы уладить дело и с этой стороны, можно было бы доложить Волшебнову, что уверение в благородстве хоть и важная вещь, но что в лавочке за него не дадут и ваксы на две копейки. Да и Митревну можно было бы поддержать, напомнив, что, «мол, я, Слезова, не из корысти держу тебя, не из корысти пою-кормлю, а только ради холода твоего да голода, соболезна твоему горю, от которого и самой некуда деться...»

Но, видно, так уже была устроена Слезова, что мысли о заступничестве за собственный карман она никаким образом не допускала близко к себе, и потому-то ежеминутно терзалась и голодным желудком прапорщика и жаждой старухи. В подобные минуты ей даже казалось, что на неё с укором смотрят и холодная печка, и пустые горшки, и согнутый на сторону самовар... «Что же ты, говорят будто бы эти враги, топи, что ль, меня? А! тебе нечего варить во мне, хозяйка тоже!.. Тьфу ты! вот что ты, а не хозяйка!..» А занятые третьего дня у соседки три куска сахару... Господи! – какими камнями лежат они на ее честной, правдивой душе!

Сообразив такое состояние людей, обитавших в кухне, читатель, может быть, поймет, что небесная помощь, в каком бы то ни было виде, здесь ждётся всеми, и поэтому очень естественно, что старьевщика, как воплощающего в своей плутоватой фигуре эту помощь, приняли здесь с распростертыми объятиями.

– Куда тут? как бы кадушку-то не того... опрокинешь неравно! – говорил он, влезая в кухню и втаскивая с собою тучу холода, которым и без того изобиловало жилище Слезовой. Шурша своим точно железным от мороза тулупом, на ходу зацепляя им ухват, сковородник и кочергу, старьевщик вступил в соседнюю комнатку, до того микроскопическую, что помещавшиеся в углу образа занимали чуть не целую ее треть. Тут же стояла кровать, а на стене болталось зеркальце, имевшее особенную способность стягивать все черты лица в одну точку, к концу носа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.